

Имя отца на экране телефона упрямо мигало, словно камень, брошенный в гладь озера, разрушая идеальный защитный кокон мира Цинцин.

Замешательство и мягкость на прекрасном лице в отражении зеркала замерли, словно от ледяного ветра. В глубине глаз Шэнь Цинцы промелькнула едва уловимая паника, но инстинкты, отточенные годами пребывания в эпицентре власти, помогли ему с невероятной скоростью вернуть самообладание. Он не стал отвечать сразу, вместо этого глубоко вздохнул, заставляя себя отвести взгляд от притягательного, но хрупкого призрака в зеркале.

Он сделал шаг, и каблуки туфель звонко цокнули по полу, этот звук казался особенно резким в тишине комнаты. Каждый шаг звучал как прощание с беззаботной атмосферой. Подойдя к дивану, он взял телефон, на секунду задержал палец над кнопкой ответа и снова выровнял дыхание, чтобы голос не выдал никаких странностей.

— Отец, — отозвался он, и в его голосе уже звучала привычная сдержанность и холодная деловитость, не оставлявшая и следа от недавнего кокетства.

Из трубки донесся властный голос Шэнь Хунъюаня, на фоне которого слышался невнятный гул — помощник докладывал о делах, Шэнь Хунъюань явно все еще был в офисе:

— Завтра в девять утра внеочередное видеосоветание с европейскими партнерами. Подготовься, приди в мой кабинет на полчаса раньше. Я поручил секретарю отправить тебе все материалы.

— Понял. Буду вовремя и подготовлю основные тезисы, — без тени колебаний ответил Шэнь Цинцы, его мозг уже автоматически фильтровал информацию, планируя график на ближайшее время.

— Хорошо, — Шэнь Хунъюань, по-видимому, остался доволен ответом и, не теряя времени на любезности, положил трубку.

Звонок завершился, в тишине раздались гудки.

Шэнь Цинцы замер с телефоном в руке, долго оставаясь неподвижным. Сладкий аромат туберозы, казалось, все еще витал в комнате, но воздух стал на несколько градусов холоднее. Неоновые огни города за окном все так же ярко сияли, но их свет больше не мог проникнуть в его сердце.

Он медленно вернулся к огромному напольному зеркалу. Она в отражении была по-прежнему невероятно красива, черное платье на бретелях делало кожу еще бледнее, а утонченный макияж был безупречен. Но Шэнь Цинцы смотрел на нее уже без былого обожания и упоения — лишь сложный аналитический взгляд, в котором проскальзывала едва заметная... усталость. Это была усталость не от самого образа, а от беспомощности перед неизбежностью возвращения к реальности.

Этот звонок стал холодным напоминанием: какой бы идеальный призрачный мир он здесь ни выстраивал, он прежде всего Шэнь Цинцы, Наследник семьи Шэнь, на плечах которого лежит груз неоспоримой ответственности и взоры бесчисленного множества людей.

Ему почти хотелось немедленно сбросить все это и облачиться обратно в жесткие доспехи. Но нахлынувшее чувство острого протеста, жадность к свободе, которую он так скоро потеряет, завладели им. Завтра совещание, завтра бесконечные дела, но сейчас, в эту ночь, время принадлежало только Цинцин.

Он не хотел, чтобы все закончилось вот так.

Приняв решение, он избавился от борьбы в глазах, заменив ее более решительной, даже отчаянной нежностью. Он снова посмотрел на свое отражение, слегка нахмурившись, словно недовольный тем, какой скованной была его поза во время разговора по телефону.

Он отступил на несколько шагов и начал тренировать походку. Ходить на каблуках — непростая задача, требующая координации движений поясницы, бедер и ног, чтобы походка выглядела элегантно, а не неуклюже. Он осторожно ступал, чувствуя смещение центра тяжести и пытаясь имитировать грацию светских леди из своих воспоминаний, стараясь, чтобы движения были легкими и ритмичными.

Поначалу выходило скованно, но вскоре он поймал нужное ощущение. Фигура в зеркале стала двигаться плавно, подол длинного платья колыхался в такт шагам, описывая изящные линии. Он пробовал разворачиваться, оглядываться, искал лучшие ракурсы. Этот процесс перестал быть просто переодеванием — он стал самовыражением, исследованием своего тела, практикой иного способа существования.

После получаса упражнений на висках проступил легкий пот, но он почувствовал странное удовлетворение. Он подошел к аудиосистеме, подключил телефон и выбрал альбом классической музыки с умиротворяющими, почти эфемерными мелодиями. Звуки виолончели, словно текущая вода, наполнили пространство, вытесняя холод, принесенный телефонным звонком.

Под музыку он окончательно расслабился. Налил себе бокал охлажденного белого вина и с хрустальным бокалом в руке снова подошел к окну. Это уже не была тренировка — это была истинная прогулка ради наслаждения. Он смотрел на сверкающий город внизу, где потоки машин сплетали ночную жизнь миллионов. Весь этот шум и суeta не имели к нему отношения — сейчас он был лишь наблюдателем, отделенным стеклянной стеной, человеком-невидимкой с тщательно скрываемой личностью.

Он слегка покачивал бокал, позволяя светло-золотистой жидкости оставлять по стеклу извилистые следы. Иногда он делал маленький глоток, ощущая легкое опьянение, которое позволяло нервам окончательно успокоиться. Он не думал о завтрашнем совещании, не думал о контракте Группы компаний Жуйкэ, и тем более не думал о мрачных перспективах своей семьи. Его разум опустел, позволив чувствам взять верх — перед глазами сияющая ночь и

прекрасный силуэт в отражении, в ушах — музыка, в обонянии — сладковатый аромат духов и вина, на ощупь — скользкий шелк платья и едва уловимое ощущение равновесия в туфлях на высоком каблукте.

Это было высшее проявление эгоистичного, беззаботного наслаждения. Тот самый кусочек абсолютной свободы, который он выкроил для себя в щелях тяжелой реальности. Здесь ему не нужно было никого изображать, нужно было только следовать глубочайшим внутренним желаниям.

Он даже достал телефон и включил фронтальную камеру, аккуратно подбирая ракурс так, чтобы не выдать лишних деталей, и сделал несколько снимков — то размытый, но красивый профиль, то макросъемку глаз с накладными ресницами. Он не сохранял их, не собирался ни с кем делиться — просто любовался ими мгновение, а затем решительно удалял. Сам процесс стал своего рода ритуалом, подтверждением и прощанием с этой кратковременной красотой.

Время в музыке и уединении утекало незаметно. Ночь становилась глубже, окна в офисных зданиях гасли одно за другим. Шэнь Цинцы почувствовал легкую усталость, но не ту, что вызвана рабочим выгоранием, а приятную лень человека после глубокого отдыха.

Он знал — пора заканчивать.

Поставил бокал и сел перед туалетным столиком. Процесс снятия макияжа был еще более кропотливым, чем нанесение. Он аккуратно приложил к глазам пропитанный средством ватный диск, ждал немного, стирал подводку и тени. Затем полностью очистил лицо, наблюдая, как следы пудры и консилера остаются на диске, пока из зеркала не проступило знакомое лицо Шэнь Цинцы — чуть бледное, с резкими чертами, постепенно возвращающееся в привычный облик.

Парик был аккуратно снят и убран на специальную подставку, причесан, в ожидании следующего пробуждения. Шелковую юбку бережно сняли и повесили на вешалку, разглаживая каждую складку. Каблуки спрятали в шкаф.

Напоследок он зашел в ванную и принял горячий душ. Вода смыла не только следы косметики, но и все эмоции и образы, присущие Цинцин. Когда он вышел, завернувшись в банный халат, он снова был тем спокойным, сдержанным Наследником семьи Шэнь, готовым к завтрашним вызовам.

В квартире друг за другом гасли огни. Лишь свет города просачивался сквозь щели в шторах, оставляя на полу слабую световую полосу.

Шэнь Цинцы лег на широкую, холодноватую кровать и закрыл глаза. В памяти больше не было танцующего платья и изящного макияжа, их заменили логические схемы завтрашнего совещания и ответы на каверзные вопросы партнеров.

Эта ночь, словно бережно охраняемая тайна, была заботливо спрятана в глубинах памяти. Никто не узнает, что в этой квартире на вершине небоскреба существовал прекрасный призрак по имени Цинцин — свободный и эфемерный. А завтра взойдет солнце, и Шэнь Цинцы снова станет тем самым молодым главой, на которого возлагает надежды вся семья.

Только перед тем, как погрузиться в сон, его кончики пальцев бессознательно погладили край подушки, словно тоскуя по уже несуществующему, холодному и гладкому ощущению шелкового подола.

<http://bllate.org/book/20970/2128501>